

Сергей ЗВЕРЕВ

БЕЗБАШЕННЫЙ ДЕСАНТ

Сергей Иванович Зверев
Безбашенный десант
Серия «Спецназ ВДВ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444593
Сергей Зверев. Безбашенный десант: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68338-3

Аннотация

Группа вооруженных до зубов бандитов разгромила миссию российского Красного Креста в Венесуэле. Злоумышленники подбросили в здание организации контейнеры с человеческими органами, а врачей миссии похитили и увезли в неизвестном направлении. Местные журналисты раздули из сложившейся ситуации сенсацию. Они обвинили российских врачей во всех смертных грехах и тем самым нанесли серьезный удар по репутации нашей страны. Правительство России немедленно отреагировало на инцидент: в Венесуэлу направлен отряд майора Лаврова – легендарного Батяни. Задача бойцов – найти врачей и разоблачить преступников, устроивших подлую провокацию...

Содержание

1	4
2	7
3	13
4	15
5	17
6	20
7	23
8	25
9	29
10	32
11	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Зверев

Безбашенный десант

1

В небольшом венесуэльском местечке жизнь шла своим обычным чередом. В горном воздухе витал запах дождя, хотя ни единого намека на осадки не наблюдалось. Старожилы, однако, могли со всей уверенностью заявить, что дождь идет чуть в стороне от селения – за цепью гор, за которыми начиналась Колумбия. При этом те же старожилы не менее уверенно делали прогнозы насчет того, перебросится ли дождь через границу. Сходились во мнении, что осадков по эту сторону придется ждать еще очень долго. Все эти разговоры о дождевых облаках из Колумбии были неотъемлемой частью бесед местного люда. Точно такой же, как обычные пересуды на местной площади с церквушкой и близлежащим базаром. Кто с кем спит, кто кого ненавидит, откуда у соседа деньги на подержанный грузовик... Пересуды на фоне живописной природы и вопиющей бедности или даже нищеты рядового латиноамериканского населенного пункта.

На краю площади, возле оврага, за которым шел ряд неприглядных жилых построек, находилось здание миссии Красного Креста. Напротив входа стоял фургон. Стоял так, чтобы было легче погрузить в него все необходимое. Из здания выносили ящики, бидоны и прочее медицинское добро, маркированное красными крестами. Рядышком стоял молодой человек европейской внешности. Он внимательно наблюдал за погрузкой, но сам не вмешивался в ее ход. Неподалеку постоянно проходили местные жители, бросая любопытные взгляды на фургон. Европейца это особо не напрягало. По крайней мере некоторое время он относился к такому любопытству как к чему-то само собой разумеющемуся. Зеваки из числа местных находились всегда и везде. Так что к этому можно было давным-давно привыкнуть. Но вдруг среди прохожих мелькнул какой-то странный оборванец. Работник миссии ощутил на себе его пронзительный взгляд. Однако когда их взгляды на секунду встретились, местный поспешил ретироваться, скрывшись среди базарной толпы.

Это столкновение взглядами заставило молодого мужчину заволноваться. Он заметно занервничал. Ему вдруг показалось, что погрузка происходит слишком медленно. Он не стал говорить об этом вслух, а просто присоединился к работе. Благодаря его помощи процесс хоть и незначительно, но все-таки ускорился. Нервозность, однако, не спадала. Когда последний ящик был погружен, взволнованный работник миссии быстро захлопнул багажное отделение, заскочил в кабину, завел двигатель и поспешно покатил прочь. Его путь шел по единственной более-менее широкой дороге местечка. Дорога была добитой настолько, будто по ней изначально ходили исключительно танки и ничего, кроме танков. Фургон то и дело подпрыгивал на бесконечных колдобинах и выбоинах. Водитель старался быть осторожным, чтобы из-за очередного прыжка не повредился груз. Вместе с тем он постоянно смотрел в зеркало заднего вида, а по возможности оборачивался или смотрел по сторонам. Ожидал преследования.

Фургон покинул пределы населенного пункта и покатил дальше, заехав на горный серпантин. Нельзя сказать, что дорога там стала намного лучше, но колдобин все-таки было меньше. Правда, машину все равно почти постоянно трясло. Дорога шла то вверх, то вниз, петляла. В общем, не была легкой. Однако тот факт, что фургон никто не преследует, несколько уменьшил градус волнения молодого мужчины. Он даже был готов поверить, что ему все показалось, что никакой угрозы от взгляда площадного оборванца не исходило.

Внезапно впереди возникла повозка. Водитель сначала даже и не понял, что произошло. Пришлось притормозить. Повозка катилась откуда-то с дороги, ведущей вверх. Она была пустой. Мужчина несколько секунд колебался, стоит ли ему дать задний ход, чтобы освободить дорогу. И когда он все-таки решился это сделать, сзади, словно из ниоткуда, возник большущий черный джип. Внедорожник стремительно приблизился к фургону, заблокировав для того возможность дать задний ход. Катившаяся повозка тем временем врезалась в столбик, перекрыв собой путь. Одновременно с этим дверцы джипа распахнулись. Из салона вывалили несколько вооруженных громил. Их появление ничего хорошего не обещало.

У европейца не было ни единого шанса выбраться живым из ловушки. Угрожая автоматами, латиносы заставили его выйти из кабины. Вели они себя предельно нагло, демонстрируя свое превосходство.

– Ты что же себе думал? – говорил один из верзил выразительного индейского экстерьера. – Думал, что можно не сказать ни «да», ни «нет», а просто спрятаться от нас? Так ты не угадал, парень. Не получится у тебя ничего.

Он стоял впритык к молодому европейцу, дыша ему прямо в лицо. Европейец растерянно смотрел на индейца, который был главным среди своих дружков, и не знал, как реагировать на «наезд».

– Чего молчишь? – продолжал допытываться индеец. – Мы тебе на размышление ровно три дня дали. А они как раз сегодня истекли. Ты должен был дать ответ на мое предложение. Но почему-то вместо этого стал вдруг от нас убегать. Из города почему-то скрылся. Зачем? Ты случайно не рехнулся? А? Ну, говори! А то твое молчание сильно раздражает и меня, и моих парней.

Его подельники демонстративно погладили стволы своих автоматов. Европейец собрал все внутренние силы и гордо выдал неприятный для громил ответ:

– Нам не о чем разговаривать. Я очень хорошо подумал и вынужден ответить вам отказом. Уважение со стороны моих товарищей дороже для меня, чем собственная жизнь. Поэтому я говорю вам «нет».

– Ха, – вырвалось из пасти индейца. – Не кажется ли, что тебя занесло немного не туда с этой твоей гордостью?

– Не кажется, – без колебаний отрезал работник миссии.

– Самоуверенный идиот, – процедил сквозь зубы главарь. – Ты делаешь громкие заявления и совсем не думаешь о том, что пострадать можешь не только ты один. Понимаешь, о чем я говорю? Наверное, не понимаешь. Так я тебе кое-что покажу сейчас.

Он полез в карман, извлек оттуда фотографию и поднес ее едва ли не к самому носу водителя. На снимке была запечатлена женщина с девочкой на руках в узнаваемых интерьерах российской больничной палаты.

– Что ты скажешь на это, Виктор? – со злорадной ухмылкой продолжал индеец. – Дороже ли вот этого уважение товарищей, о котором ты недавно сказал?

Водитель сфокусировал взгляд, чтобы рассмотреть фото, показавшееся ему знакомым. Спустя секунду он стоял пораженный с остекленевшими глазами. В мыслях крутились вопросы: «Откуда у них снимок? Что они еще знают?»

– Ты удивлен? – не прекращая ухмыляться, говорил верховод громил. – А удивляться нечему. И эту фотку, и кое-что о тебе и твоих близких найти было не так трудно. Мы знаем, что твоя маленькая дочка больна. Больна настолько серьезно, что операцию в России никто сделать не берется. Ей нужна операция, которую делают в странах Европейского союза или США. Но денег на это нет ни у тебя, ни у кого из твоих родственников. Вот ты и напророчился приехать сюда, чтобы подзаработать и помочь своей дочке. И ты обязательно поможешь ей! Но для этого тебе нужно помочь нам. Если согласишься с тем, что мы тебе предложили, то получишь в два раза больше от той суммы, которая тебе реально нужна на операцию для

девочки. Ну, а если откажешься, то сможем и в России найти. У нас руки длинные... Хотя зачем? Хватит уже давать тебе время на размышление. Ты должен прямо сейчас сказать либо «да», либо «нет». Но помни, что в случае отказа мы тут же пристрелим тебя, как бешеного пса. Пристрелим, и твоя дочь станет сиротой, а жена – вдовой. И тогда им уже никто не поможет. Девочка умрет от болезни. А женщина – от горя... Так что ты скажешь, русский?

С такими вариантами сломаться мог даже самый стойкий человек. Виктор посмотрел на индейца, стараясь, чтобы взгляд не выдал его чувств. На самом деле он сгорал от ненависти к нему и его подельникам. Но ответить пришлось согласием. Дочь и жена были для него самым дорогим, ради чего только стоило жить на свете.

– Я согласен с вашим предложением, – вырвалось из пересохшего горла молодого отца и мужа.

Шантажисты дружно засмеялись, радуясь такому ответу.

2

В высокогорье, почти у самой границы с Колумбией, размещался лагерь миссии российского Красного Креста. Лагерь состоял из нескольких трейлеров и палаток. Среди последних особо выделялась своими размерами хирургическая. На всех трейлерах и палатках имелись соответствующие опознавательные знаки. Деятельность миссии была согласована с правительством Венесуэлы. С учетом специфики развития местной медицины работа российских медиков была серьезной помощью для населения. Сюда наведывались в основном индейцы из окрестных деревень. Большинство из них долгое время вовсе не знали, что такое профессиональные врачи. И неизвестно, узнали ли бы вообще, если бы не появление русской миссии Красного Креста.

Пациентов в тот день хватало. Кто-то с одной болячкой, кто-то с другой... Российские медики с пониманием относились ко всем. Оказывали должную помощь. И так было на протяжении всего срока работы миссии...

Пожилой хирург Сергей Сергеевич Беспалый осматривал выздоравливающего пациента. Пациентом был пятнадцатилетний подросток с очень непростой судьбой. Месяц тому назад он был похищен кем-то на окраине родной деревушки. Ему вкололи снотворное и увезли в неизвестном направлении. В результате он очнулся через какое-то время на обочине дороги, в нескольких десятках километров от своей деревни. У него страшно болел правый бок. Идти он не мог. По счастливой случайности мимо проезжал фургон Красного Креста. Водитель заметил корчившегося от боли парнишку, помог тому подняться, посадил в фургон и привез в лагерь. Врачи сразу же его осмотрели и сделали страшное открытие – подростку кто-то вырезал одну из почек, наспех зашил бок и выбросил на дорогу. Оказав ему всю необходимую помощь, медики попытались выяснить, как все это с ним произошло. Стали расспрашивать, а он ничего толком и сказать не мог. Более того, сначала даже боялся окруживших его врачей. Остаточные воспоминания об операции по удалению почки все-таки давали о себе знать. Россиянам стоило больших усилий убедить подростка в том, что никто из них не имеет никакого отношения к тем злым дням, о которых он испуганно кричал. Забота и ласка русских медиков не прошли бесследно. Парнишка очень быстро прикипел душой к своим спасителям.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – поинтересовался доктор у подростка.

– Хорошо. Еще лучше, чем вчера, – с улыбкой ответил тот.

– Молодец. Ты же знаешь, что мы постарались сделать все возможное, чтобы тебе стало лучше. Люди и с одной почкой до старости живут. Так что не расстраивайся, – говорил Сергей Сергеевич.

– Но все-таки сволочи эти бандиты, занимающиеся незаконной трансплантацией человеческих органов, – выразил свое возмущение один из присутствующих ассистентов хирурга. – Ничего их не останавливает перед жадой наживы за счет похищения людей с целью превратить их в доноров.

– Я понимаю, что мне повезло, – промолвил подросток, утвердительно кивнув на слова врачей. – Они могли полностью выпотрошить меня, но почему-то этого не сделали. Да и, забрав почку, не стали убивать. И я тоже не могу понять, почему.

– Ты не думай об этом. Главное, что скоро ты сможешь жить своей обычной жизнью, – заметил Беспалый.

– Если честно, я бы с удовольствием пожил бы у вас еще несколько месяцев, – несколько смущенно проговорил паренек.

Русские отреагировали на это понимающими улыбками.

Снаружи слышались голоса венесуэльских военных, охранявших лагерь миссии. Серьезная охрана была здесь крайне необходима. Наличие в лагере полутора десятков отлично вооруженных солдат не было чем-то удивительным или из ряда вон выходящим. Здешние места нельзя было назвать безопасными. В первую очередь опасность исходила от близлежащей границы с Колумбией. Оттуда на территорию Венесуэлы то и дело проникали участники разных бандитских группировок, работавшие на колумбийского наркобарона Хорхе Ботеро. Они часто терроризировали местное население. Львиная доля преступлений в этом районе совершалась именно колумбийскими бандитами или же местными под их давлением.

Причину повышенного интереса мафиози именно к данному району в народе объясняли по-разному. Поговаривали, что в пограничье находятся обширные площади зарослей коки. С другой стороны, ходили слухи о том, что там же, среди зарослей, находились тайные лаборатории для производства кокаина. Поговаривали и о том, что в тех же краях находилась взлетно-посадочная полоса. Самолетов или вертолетов, правда, никто не видел. Зато по ночам жители близких деревушек нередко слышали рев авиационных двигателей. По крайней мере так они считали.

С вышки, стоявшей на краю лагеря, военные наблюдали за шоссе. Вскоре они заметили приближавшийся автомобиль. Какого-то беспокойства это не вызвало, так как по дороге катил хорошо знакомый фургон миссии, за рулем которого находился Виктор Слепцов. Охранники хорошо знали, что тот с утра отправился в местечко за медикаментами, и получалось, что теперь держит обратный путь. И хоть время отъезда они помнили, но не стали подсчитывать, сколько часов в общей сложности заняла поездка. Поэтому и не заметили некоторой задержки, с которой шел автомобиль. По крайней мере ранее таких опозданий не случалось. Впрочем, даже если бы вояки и придали хоть какое-то значение времени, то вполне могли связать задержку фургона с дорожными условиями или какими-либо проблемами в местечке. Эта беспечность и сыграла вскоре роковую роль в кровавом действе. Пока же все шло так, как шло бы в обычный, ничем не примечательный день.

Фургон подъехал к шлагбауму. Солдат кивком поприветствовал водителя и удивился просительному выражению его лица.

– Что-то не так? – на всякий случай спросил боец, готовясь поднять перекладину шлагбаума.

– Да все хорошо. Устал просто, – громко ответил Виктор, показывая глазами назад.

– Бывает, – не скрывая удивления, фыркнул военный и открыл путь для фургона.

Как только автомобиль оказался на территории лагеря миссии Красного Креста, из него резво выскочили крепкие латиносы. Каждый был вооружен в буквальном смысле до зубов. Уже первые секунды вторжения показали, что бандиты готовились к нападению и знали, как им следует действовать. Они чувствовали себя как рыбы в воде, словно заранее отрабатывали тактику ведения боя. Первым был застрелен тот самый боец, который стоял у шлагбаума. Бедолага даже не успел сообразить, что происходит, как автоматная очередь скосила его. Одновременно взоры нападавших обратились на вышку. Несколько из них начали обстреливать ее из автоматов, не давая опомниться находившимся на ней охранникам. Те никак не могли воспользоваться пулеметом. Но бандиты знали и о нем, поэтому один из верзил активизировал портативный гранатомет и выстрелил по вышке. Граната врезалась в ограждение смотровой площадки и через мгновение взорвалась. Взрывной волной были сметены и солдаты, и большая часть сооружения.

На выстрелы и взрыв среагировала остальная часть военных. Медики были очень сильно обеспокоены происходившим, но старались не поддаваться паническим настроениям. Сделать это было не так просто, поскольку никто не знал, что именно происходило в лагере. Неизвестны были ни цели нападавших, ни их принадлежность к какой-либо силе

– политической или криминальной. Понятно было лишь одно – совершившие нападение на лагерь были настроены очень решительно и не собирались пасовать перед военными. Тем более что последние из-за эффекта неожиданности были абсолютно не готовы к должному отражению нападения.

Когда вышка была взорвана, один из нападавших приказал Виктору отогнать фургон к шлагбауму. Так планировалось заблокировать выезд. Виктор без лишних раздумий подчинился. Да и ему самому не хотелось находиться на линии огня. Охрана лагеря тем временем пыталась оказать сопротивление. Бандиты не стреляли по палаткам и трейлерам, словно чего-то опасались. Военные гадали, в чем здесь дело. То ли громилы не желали задеть оборудование, то ли боялись подстрелить кого-нибудь из врачей.

Единственный офицер отдал команду нескольким своим бойцам, чтобы те разделились и взяли под защиту русских врачей. Остальные пытались отрезать бандитам подходы к палаткам и трейлерам, ведя перекрестный огонь. Напавшие на лагерь отвечали длинными автоматными очередями. Их спасало лишь то, что по беспечности одного из работников миссии почти в центре лагеря стоял грузовик. Он мешал охранникам лучше сориентироваться и подавить опасные для себя очаги огня. С другой стороны, грузовик мешал и нападавшим. Они не могли провести прямую атаку и сразу ворваться в одну из первых после шлагбаума палаток.

Солдаты постепенно переместились к грузовику, используя его в качестве своеобразного щита. Казалось бы, это должно было закрепить их преимущество. Однако на самом деле все было далеко не так просто, как представлялось молодому венесуэльскому командиру. Да, появилась иллюзия укрепления. Да, солдаты почти беспрепятственно отправляли пули в направлении бандитов. Но результата никакого не было. Никто из нападавших не был даже задет. Они поспешно перегруппировались, разошлись в разные стороны и на некоторое время исчезли из вида, будто растворились в воздухе. Это сильно беспокоило офицера.

«Чудес не бывает!» – повторял он своим бойцам, призывая их смотреть в оба и держать ухо востро. Некоторым было невтерпех. Одному из солдат надоела образовавшаяся в бою пауза. Он решил, что бандиты ушли и бой закончен. Безо всякого предупреждения он вышел из-за грузовика, держа наготове автомат. Ему не удалось даже заметить, откуда исходила реальная опасность. Безрассудный смельчак был убит одиночным выстрелом в лоб. После этого стрельба возобновилась со страшной силой. Выяснилось, что бандиты разместились эдаким полумесяцем и обстреливали грузовик со всех сторон. Военные были вынуждены прижаться к земле. За несколько минут большая часть машины была превращена в решето, ее шины пробиты. Военные могли только радоваться, что топливный бак находился вне зоны обстрела. Ситуация для охраны выглядела тупиковой. Было непонятно, что и как делать дальше. Получалось, что противник навязал свои правила игры. Командира это раздражало, неприятно действуя на честолюбие. Он готов был отдать безрассудный приказ, но в это самое время у грузовика одна за другой упали брошенные с разных сторон гранаты-вспышки. Группа охранников была ослеплена. Отдельные бойцы даже побросали автоматы, прикрывая руками глаза. Бандиты тут же воспользовались этим замешательством и совершили стремительную атаку, сопровождаемую непрерывным автоматным огнем. Почти всех охранников безжалостно перебили, словно слепых цыплят. Лишь офицер и один из солдат успели шмыгнуть под грузовик. Выскочив оттуда, они попытались прорваться к фургону, наивно полагая, что сумеют найти там новое укрытие. Их надежды подкреплялись тем, что впереди мелькнула знакомая фигура Виктора. Не зная, чем началось нападение на лагерь миссии, военные даже не подумали, что русский мог быть как-то связан с бандитами.

– Виктор! Вызывай подкрепление! Надеюсь, рация в кабине целая?! – кричал офицер, обращаясь к водителю. – Если прямо сейчас сообщить о происшествии, то есть шанс, что через час здесь будут наши вертолеты.

– Рация вышла из строя, – громким голосом ответил тому Слепцов, не выходя из-за фургона.

– Вот черт! – выругался командир.

Со стороны фургона выскочил вооруженный верзила и немедленно нажал на курок, щедро поливая свинцом пару спасшихся военных. Последние пытались ответить тем же. Однако прежде, чем офицеру и солдату удалось передернуть затворы, они оба были убиты.

– Сколько у тебя?! – спросил у стрелявшего главарь.

– Двое! – ответил тот.

– У нас пятеро. Плюс один, что был на въезде, и двое на вышке. Всего десять получается. Значит, осталось еще пять, – заключил верховод и громогласно обратился к остаткам военных и медикам: – Внимание! Просьба всем выйти из палаток и трейлеров! Всем, кто добровольно сложит оружие и сдастся в наши руки, мы гарантируем жизнь. Любая же попытка сопротивляться будет подавлена! Время на раздумье не даю. Считаю до двух. Если никто не подчинится, мы начнем расстреливать первую палатку! Один!

– Подождите! Не стреляйте! – отозвался кто-то как раз из ближайшей палатки. – Мы выходим!

– Отлично! С поднятыми руками! И без фокусов!

– Да какие уж тут фокусы! Выполняем ваши условия и надеемся на вашу честность и благоразумие!

– Быстрее!

Из палатки начали выходить сотрудники миссии. Все с поднятыми руками. Последним вышел солдат. Его сразу же обезоружили и отделили от россиян. Самих же россиян обыскали на наличие оружия. Ни у кого из них ничего обнаружено не было. Настал черед других палаток. Везде повторилось то же, что и в первой. Вот только пятого бойца нигде не было. Он словно в воду канул. Это изрядно злило главаря бандитов. Однако уже тот факт, что все русские медики оказались под контролем его людей, немного умирал его злость. Правда, ничего не помешало ему продолжить выполнение намеченного ранее плана. Это на словах индеец гарантировал охранникам миссии жизнь. В реальности же их судьба была предрешена.

– Ну, что? Пятого нигде нет? – на всякий случай главарь уточнил у своих подручных.

– Да нету его, сволочи, – прозвучало в ответ.

Это при том, что бандиты активно обыскивали все палатки и трейлеры лагеря. Результат был нулевой.

– Наверное, сиганул за ограду и задал стрекача по склону, – предположил индеец. – Ну, ничего. Даже если спасется, то ничего толком рассказать не сможет. Ничего ведь не видел. С остальными вояками разберитесь. Ну, и готовьте русских.

Подельники не стали медлить ни секунды. Четверку военных отвели в сторону и расстреляли в упор из автоматов. Все происходящее настолько шокировало русских, что те не могли вымолвить ни слова. Только хирург пытался взывать к совести и чести бандитов.

– Ну, вы же обещали сохранить им жизнь, – говорил он. – Что же вы творите?

– Молчи, и обещание все еще будет распространяться и на вас, – гневно отреагировал главарь. – Отвести всех к фургону.

Бандиты тут же принялись выполнять приказ. Медиков не повели, а буквально погнали к фургону. Там на запястьях каждого из них набросили наручники. Сотрудники миссии с немалым изумлением смотрели на Виктора Слепцова и не могли понять, почему его никто не заковывает. Сам Виктор молчал и смущенно отводил глаза, будто это могло сделать его невидимкой и избавить от изумленных взоров соотечественников, которых он был вынужден предать. Ему на самом деле было очень стыдно. Но вместе с чувством стыда его не покидало беспокойство за судьбу своей семьи.

– Хватит паяться на водилу! – прикрикнул главарь. – Он такой же пленник, как и вы. Только без наручников. Хреново ему в наручниках пришлось бы фургон вести.

Походило на то, что индеец пытался прикрыть водителя перед другими сотрудниками миссии Красного Креста. Трудно сказать, помогло ли это. Пленники хоть и отвели взгляды от Слепцова, все равно оставались при своем недоверии к нему. Индеец жестом показал подручным, что русских пора закрывать в фургоне. Те стали заталкивать всех внутрь машины. Делали это совершенно бесцеремонно, что сильно отличалось от их недавнего осторожного и почти обходительного поведения.

– Контейнеры и аппаратуру заносите в большую палатку, – продолжал командовать индеец.

Подельники тут же взялись за выполнение команды и начали спешно перетаскивать странный груз в направлении хирургической палатки. В это самое время раздались выстрелы. Пули летели откуда-то сверху. Сначала было трудно понять, откуда именно велась стрельба. Бандиты попытались бросить груз и разбежаться, чтобы отыскать себе укрытие. Однако главарь громко рявкнул на них:

– Не жопы свои спасайте, а контейнеры и технику! Живо!

Им пришлось возвращаться в простреливаемую зону. «На линию огня», как сказали бы специалисты в военном деле или отдельные поэты-песенники, любящие военную тематику. Громили похватили емкости и приборы. Стрельба не прекращалась. Автоматные очереди обильно поливали этот участок. Как выяснялось, у стрелка была хорошая позиция. Он засел на крыше одного из трейлеров, прикрывшись броневым спецназовским щитом, входившим в снаряжение охраны. Пока бандиты и их главарь соображали, что к чему, стрелок (тот самый исчезнувший пятый боец) хорошенько попортил им нервы. Несколько элементов груза были пробиты пулями. Трое верзил получили ранения разной степени тяжести.

Индеец сам был вынужден прятаться, чтобы не оказаться под новой порцией пуль. Несмотря на это, он не мог так просто взять и отказаться от активных действий. Взяв с собой нескольких подельников, он двинулся к трейлеру обходным путем. Выбирали дорогу так, чтобы не оказаться раньше времени в поле зрения стрелка. Тот, однако, все равно засек их передвижение, развернул автомат в их сторону и нажал на курок. Индеец, недолго думая, прикрылся одним из своих подельников и отошел на безопасную позицию. Бандит был смертельно ранен и тут же свалился на землю.

Уже из безопасного места индеец попытался обратиться к солдату, выкрикивая обрывистые фразы:

– Э! Вояка! Прекращай эту муйню! Патроны у тебя все равно не бесконечные! И когда они закончатся, тебе не поздоровится! А так есть шанс!

– Иди ты к черту со своими шансами! – огрызнулся солдат. – Ты всех наших велел расстрелять! Хотя обещал сохранить жизнь! Гнида!

– Ты слова выбирай! А то...

Индеец не договорил, уловив характерный звук выпущенной из подствольного гранатомета гранаты. Он быстро бросился обратно к фургону, лишь бы не оказаться в эпицентре взрыва. И действительно через пару секунд раздался взрыв, которым изрядно потрепало одну из крайних палаток. Бандиты успели скрыться следом за главарем. Лишь одному из них небольшой осколок задел мягкие ткани ниже спины. Он хоть и был высоченным громилой весьма брутальной внешности, заверещал, словно поросенок. Охранник не преминул выпустить новую очередь на этот визг.

– Да угомоните же его наконец! – ревел главарь. – У кого снайперский прицел был? Педро, у тебя, что ли?

Бандит неуверенно кивнул.

– Давай! Уложи его!

Педро прикрепил к автомату оптику и попытался сфокусироваться на цели. Стрелок был полностью заслонен щитом. Бандит доложил об этом главарю, но тот продолжал настаивать на своем:

– Стреляй. Его в любом случае отдачей будет задевать. А мы в обход двинемся. Только чтобы не высовывались на этот раз.

Педро начал палить одиночными выстрелами по щиту. Это и в самом деле осложнило положение укрывшегося за щитом солдата. Он едва успевал отстреливаться. Бандиты под предводительством своего главаря двинулись другим путем, надеясь подавить огневую точку. Им удалось подобраться довольно близко к трейлеру. Боец их не заметил, все еще реагируя на прицельную стрельбу Педро. Индеец жестом показал, что солдата нужно просто снять одним-двумя выстрелами. Однако подручный либо не совсем понял его, либо понял по-своему. В результате громила за несколько секунд подобрался к трейлеру вплотную, подскочил, подтянулся на руках и забросил ноги на крышу. В зубах у него был нож. Бесшумно проделать все это было невозможно. Солдат услышал шум и обернулся, направив автомат на неожиданного гостя. Короткой очередью он прострелил тому грудь и ударил прикладом по ногам. Незадачливый бандюган рухнул вниз, да еще и разрезал себе во время падения рот ножом. Индеец был взбешен и приказал открыть сплошной огонь по солдату. Тот, словно и ожидал чего-то подобного, вырвал чеку гранаты. И прежде, чем пули долетели до него, раздался взрыв, разорвавший отважного бойца на куски. Щит отлетел в сторону и сбил с ног одного из бандитов. Крышу трейлера разнесло на куски.

– Ну, наконец-то, – с облегчением промолвил индеец, вытирая рукой окровавленный лоб. Это была кровь взорвавшего себя солдата...

Когда последний из охранников оказался на том свете, можно было завершить осуществление намеченного ранее плана. Громилы все-таки занесли контейнеры и технику в хирургическую палатку. Правда, по пути все время оглядывались – а вдруг индеец ошибся, и солдат было не пятнадцать, а чуть больше? Однако на этот раз для них все обошлось.

Сделав все необходимое, бандиты погрузились в фургон. Прихватили с собой и тело погибшего собрата. Виктор сел за руль. Рядом сел индеец и еще один бандит. Машина тронулась и покатила прочь от лагеря. Медики косились на захватчиков. Те, в свою очередь, терпели косые взгляды очень недолго. Через десять минут поездки каждому, кто был захвачен, бандиты сделали специальную инъекцию. Таковую, которую называют «инъекцией от любых желаний организма». Вскоре все медики отключились. Поездка продолжалась без их пристальных, полных затаенной ненависти взглядов.

3

В разгромленном лагере российской миссии Красного Креста работала съемочная группа местного телевидения. Она спешно готовила репортаж о разыгравшейся здесь трагедии. Впрочем, с самого начала журналисты расставили акценты весьма своеобразно. Складывалось впечатление, что они приехали уже с готовой версией случившегося, а на месте просто подбирали наиболее выгодные ракурсы для иллюстрации «своих предположений».

Журналист стоял на фоне развороченного трейлера и с нарочито задумчивым видом озвучивал на камеру «свое видение» случившегося. «Я и съемочная группа нашего телеканала находимся сейчас в центре разгромленного лагеря миссии Красного Креста, где работали российские специалисты, – говорил он. – Как уже сообщалось ранее, лагерь подвергся сегодня нападению со стороны неизвестных. Бойцы вооруженных сил, охранявшие лагерь, были перебиты. Сотрудники миссии исчезли. Специалистам еще предстоит выяснить реальную картину происшествия. Но уже сейчас можно кое-что сказать об этом. К сожалению, имеющаяся у нас информация повергает в шок любого здравомыслящего человека. И речь здесь не столько о нападавших, сколько о самих так называемых медиках. Вы спросите, почему я их так называю? Отвечу. Есть все основания утверждать, что в этом лагере под видом операций изымались органы у живых людей, бедных крестьян. Так не могло продолжаться долго. Местные жители должны были восстать против лжи и несправедливости. И вот это случилось! Разъяренные крестьяне напали на лагерь, захватили и увезли в неизвестном направлении русских медиков. Возможно, для того, чтобы учинить самосуд. Ну, а пятнадцать наших солдат погибли, попав под горячую руку возмущенного чинимым беззаконием народа. Безусловно, с юридической точки зрения нападавшие преступили закон и должны быть наказаны. Однако с точки зрения морали все выглядит не так просто. Люди, по сути, были загнаны в угол и не имели другой возможности громко заявить о лицемерии и лжи тех, у кого язык поворачивался называть себя врачами».

– Пока достаточно, – остановил журналиста оператор. – Теперь надо заснять все ужасы разрушений и трупы солдат. Зрителей это должно впечатлить. Уже в студии нарежем и скомпонуем так, чтобы картинка была по-настоящему убойной.

– Давай. Тебе десяти минут хватит? Не забывай, что надо еще местным слово дать, – со странной ухмылкой заметил журналист.

– Подождут твои местные. Хорошая картинка дорогого стоит, – ответил оператор и побрел по разгромленному лагерю.

Он ходил более двадцати минут, выбирая наиболее выгодные с его точки зрения ракурсы. Журналист тем временем курил возле машины съемочной группы. Рядышком крутились местные, выказывая готовность засветиться в кадре и выдать пару слов об ужасах, творившихся в лагере. Когда оператор вернулся, они стали еще более настойчивыми. Но их никто и не думал отгонять. Наоборот, терпеливо выслушали каждого и попросили рассказать перед объективом самое главное.

– Только постарайтесь на литературном языке, без здешних словечек и ругательств, – предупредил журналист и тут же исправился: – Впрочем, если хотите ругаться, то ругайтесь. Мы все равно ругательства «запикаем». Так хоть какой-то колорит будет.

Оператор и другие члены группы утвердительно закивали головами. Началась съемка. Местные, не скупясь на гримасы и вытаращивая глаза, стали живописать ужасы, с которыми у них ассоциировался лагерь миссии Красного Креста. Они называли его не иначе как «обитель зла». Клялись всеми католическими святыми и духами индейских верований, что ничего хорошего в этом лагере никогда не происходило. Заверяли, что всякий, кто попадал сюда на лечение, возвращался домой без какого-то внутреннего органа либо и вовсе погибал

под скальпелями «этих злодеев в белых халатах». Из их слов следовало, что у местных бедолаг «злодеи» изымали и печень, и почки. Журналист не сдержался и с ироничной усмешкой уточнил, не было ли случаев изымания мозга. Местные переглянулись, задумчиво почесывая головы. После некоторой паузы один наконец решился и сказал, что точно не знает, но вроде в одной отдаленной деревушке пострадавший от изъятия мозга до сих пор живет. Съёмочная группа едва сдерживала смех, и только оператор ругался на всех и в первую очередь на журналиста. Мол, ничего смешного, крестьяне недопоняли, а профессионалам следовало бы формулировать вопросы правильнее и не потешаться на пустом месте. Ясно, что этот эпизод он не собирался включать в итоговый репортаж. Да и остальным было в принципе все равно. Гнали за «жареными фактами», а не за тем, чтобы искать нестыковки в рассказах местных.

Впрочем, дали слово и другим крестьянам, которые совсем не рвались под объектив. Они говорили о русских медиках совсем иначе, чем те, что были перед ними. Уверяли, что ничего плохого о врачах сказать нельзя. Что те действительно выполняли свой долг, что ни о каких изъятиях ими у пациентов органов никогда не слышали. Что сотрудники миссии российского Красного Креста всегда оказывали необходимую помощь местному населению. Оператор снимал их реплики без особого энтузиазма, так как знал, что в репортаже упор будет делаться на противоположную версию. С другой стороны, исходя из опыта, понимал, что лишнего материала никогда не бывает. Если в монтажной хорошенько поколдовать даже с тем, что сказали крестьяне, оправдывающие русских, то на выходе мог получиться куда более взрывоопасный материал.

Итоговый репортаж вышел на местном телевидении в вечернем выпуске новостей. Все другие новости были отодвинуты на эфирные задворки. Подача носила открыто антироссийский характер. Львиную долю занимали обличительные реплики крестьян. Реплики тех, кто во время съемки заступался за русских, были поданы скомканно. Из них нельзя было понять, защищают ли они российских медиков или же присоединяются к обличительному тону.

В регионе репортаж был воспринят неоднозначно. Часть населения готова была поверить тому, что с экранов было названо наиболее правдоподобной версией. Другая же часть верить в это явно не желала. То, что мнения разделились, было понятно и так. Наспех проведенные социологические опросы показали, что большинство жителей региона все-таки склонялись к тому, что под видом врачебной миссии работали охотники за органами. Все они обосновывали свою точку зрения теми находками, которые были сделаны полицией в хирургической палатке. Там нашли несколько емкостей с человеческими почками и всем остальным, что требовалось для изъятия и хранения человеческих органов. Общественное мнение в своей преимущественной части считало, что это неопровержимые доказательства преступной деятельности российских медиков.

Фрагменты репортажа неоднократно повторялись как на том же канале, так и на других. Упор неизменно делался на виновность русских. Вся эта информационная катавасия наносила серьезный удар по репутации Российской Федерации в регионе. Это при том, что ни одна собака не могла толком объяснить – куда же вдруг пропали русские врачи, где находятся и почему их особо никто не ищет. Так не могло продолжаться бесконечно. Россия должна была отреагировать...

4

Нельзя было сказать, что на одном из российских военных аэродромов царил какое-то особое оживление. Внешне все выглядело как обычно. Белые туши стоящих «илов», словно огромные киты на поверхности серого моря. Взлетно-посадочные полосы, то провожающие в путь, то принимающие на землю самолеты. Рев авиационных двигателей. Вспомогательная техника, снующая между самолетами и ангарами...

Возле одного из ангаров вовсю шла подготовка к полусекретной командировке за пределы России. Группа офицеров-десантников была занята приготовлениями к отправке в Венесуэлу. Буквально каждого из них можно было назвать не просто профессионалом, а частью элиты российского ВДВ. Лучшим из лучших Родина поручила выполнить важное ответственное задание в Латинской Америке. Каждый из участников группы прошел серьезный отбор по целому перечню показателей.

Чуть в стороне от них стояли и беседовали генерал Чурсин и майор ВДВ Андрей Лавров – комбат из числа тех, о которых говорят: «слуга царю, отец солдатам». Уравновешенный, обязательный, скромный – все это можно было смело говорить о нем и ничуть не ошибиться в характеристике. А уж за плечами у него был такой опыт работы в сложнейших ситуациях в России и за рубежом, что впечатлиться мог любой. Правда, сам Батяня, как его давным-давно прозвали бойцы, не любил этим хвастаться и выставлять напоказ. Он знал, что там, где надо, все в курсе его боевой биографии. Чурсин это знал.

– Майор, ты понимаешь, что задача перед твоей группой стоит архиважная, – говорил генерал. – На кону находится авторитет России. Ты и твои люди должны отыскать наших врачей. Вместе с этим нужно разоблачить негодяев, которые устроили такую подлую провокацию. Вывести их, подлецов, на чистую воду! Долбануть по их лжи так, чтобы пух и прах полетели! Тут тебе определенный карт-бланш дается. Но помни, что эти чертовы мастера-затейники оказались в руках международного правосудия. Если всех их взять и перебить, то будет лишь тупая месть. А нам надо что? Нам нужна международная огласка в противовес тому бреду, что успели растиражировать венесуэльские и некоторые мировые средства массовой информации. Поэтому пусть не все, но некоторые из этих ублюдков должны пойти под суд. Это ясно?

– Так точно, – ответил Лавров. – В Венесуэле мы действуем полностью автономно?

– Вы будете действовать в связке с венесуэльскими военными. Слава богу, официальные власти Венесуэлы настроены не так однозначно, как продажные журналисты. Поэтому есть контакт на уровне министерства обороны. Однако ты должен понимать, что вся тяжесть операции будет лежать на тебе и твоей группе. Судя по всему, там придется действовать не только в пограничье Венесуэлы с Колумбией, но и на территории последней. Для венесуэльских военных это очень проблематично. Венесуэльцам категорически нельзя провоцировать колумбийскую сторону. Отношения у этих государств в силу разных причин напряженные. Любой инцидент с участием военных может привести к непредсказуемым последствиям, вплоть до открытого вооруженного столкновения между этими государствами. Так что нелегальное пересечение венесуэльско-колумбийской границы остается за тобой и твоими людьми.

– Вас понял, – сказал майор и уточнил: – Будут ли еще какие-то особые инструкции?

– Все, что касается Венесуэлы и ее особенностей, вам будет рассказано уже в самолете. Технический прогресс давно шагнул вперед. Так что посмотрите во время полета документальный фильм для внутреннего пользования и кое-какие другие данные. Особо же хочу сказать вот о чем. Тоже, кстати, достижение науки и техники. Место вашей высадки будет мониториться со спутника. Поэтому будьте готовы к тому, что вся самая свежая информация

будет вам сообщаться в режиме реального времени. Надеюсь, что это значительно упростит ваши поиски. Хотя, с другой стороны, понятно, что операция очень и очень рискованная.

– Риск – наша работа, товарищ генерал, – спокойным твердым тоном заметил на это Батяня.

– Вот в этом ты весь, майор. Уважаю, – с улыбкой отметил Чурсин.

Они перебросились еще несколькими фразами, и Лавров присоединился к участникам своей боевой группы.

5

Выглядывая из узких окон небольшой комнаты, Виктор Слепцов видел лишь джунгли и горы. Он не мог точно определить, Венесуэла ли это или же Колумбия. Впрочем, большой разницы для него не было. Русский, давший согласие на сотрудничество с бандитами, сидел один под замком, да еще и закованный в наручники. Вот такой оказалась благодарность индейца за то, что он предал своих товарищей.

Слепцов тысячу раз успел раскаяться в содеянном. Ругал себя за страх, слабоволие и излишнюю доверчивость. Упрекал себя в том, что мог бы догадаться о коварстве и вероломстве бандитского главаря, ведшего свою родословную из племени кечуа. Теперь уже нельзя было ничего отмотать назад, вернуться в прошлое на несколько дней и сделать все по-другому. А ведь была же возможность! Нужно было всего лишь рассказать о «наезде» бандитов своим товарищам и военным. Подключили бы полицию и... Фантазировать об этом можно было. Но вот смысла в этом не имелось. Лагерь миссии Красного Креста разгромлен, медики захвачены для неизвестных целей. Судьба дочери и жены в России тоже оставалась неизвестной... Мысли угнетали и сводили Виктора с ума. Наручники сильно сдавливали запястья. Однако на эту боль русский почти не реагировал. Он лишь пытался потирать и немного массировать запястья.

Во время одного из очередных манипуляций с наручниками дверь комнатухи резко распахнулась. Можно было ожидать появления кого-либо из громил. Ну, уж точно не полиции. На приход полиции Слепцов даже и не надеялся. Он дернулся от грохота двери и тут же обернулся. В дверном проеме стоял ненавистный кечуа – Хуан Антонио Сальваторе. Русский удивился, не увидев на его лице привычной язвительной ухмылки. Наоборот, главарь был подчеркнуто доброжелательным, будто пришел не к пленнику, а к своему старому доброму знакомому.

– Что? Наручники натирают? – участливо поинтересовался он и, не ожидая ответа, добавил: – Я попрошу, чтобы их тебе поменяли. Другие точно натирать не будут.

Виктора подмывало съязвить по этому поводу. Мол, вот уж пожалел волк овечку. Правда, ситуация была не та. Да и смелости ничуть не прибавилось. Кечуа выдержал паузу и, словно прочитав мысли русского, сказал:

– А пока я их вообще сниму. Тебе же неудобно будет есть и пить в наручниках.

– Да, но откуда у меня возьмется еда и питье? – скептически заметил Слепцов больше для того, чтобы не играть в молчанку, а не из-за необходимости что-нибудь говорить.

Доброжелательная улыбка на лице кечуа стала еще более светящейся.

– Ну, я же решил немножко позаботиться о тебе, – сказал он. – Не пришел сюда с пустыми руками.

Индеец присвистнул и щелкнул пальцами. В дверях появился один из бандитов, держа в руках поднос. На подносе была бутылка с водой и несколько тарелок с горячей едой, хлеб и еще что-то, что Виктор не смог с ходу рассмотреть. Поднос был оставлен на столике. Наручники были сняты. Помощник вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Хуан Антонио жестом пригласил пленника за столик, а вслух сказал:

– Давай, не стесняйся. Это все для тебя.

Нельзя было сказать, что Слепцов умирал от голода. Однако в общей сложности получалось, что где-то около суток или даже более того он ничего не ел. Плюс все эти тревожные раздумья, переживания и в придачу бессонница внесли свою лепту в общее состояние измотанности. Блюда на подносе источали такой соблазнительный запах, что звериный аппетит разыграл в Викторе в два счета. «Не знаю, что он хочет, но ход с едой – сильный ход», – подумал русский и подошел к столу. Там он увидел пиалу с похлебкой из бобов, тарелку маисовой

каши со стейком, хлебницу с лепешками, салатницу с нарезанными овощами. Слюни текли от одного только вида. Но в первую очередь пленник набросился на бутылку с водой. Что-то, а жажда его мучила изрядно. Выпив граммов двести воды, он уселся за столик и принялся за похлебку. Он ощущал на себе взгляд бандитского главаря и, казалось, даже видел отблеск его улыбки. Главарь не стал лезть с какими-то своими вопросами до тех пор, пока пиала с бобовым супом не оказалась полностью опустошенной. А вот в тот момент, когда русский подвинул к себе тарелку с кашей, индеец заговорил:

– У тебя хороший аппетит. Это впечатляет. Вкусно хоть?

– Вкусно. Спасибо, – прозвучало в ответ. – Однако ты сюда пришел не для того, чтобы меня покормить. Правда ведь?

– Ну, ты проникательный малый, – отозвался бандит таким тоном, который можно было смело назвать издевательским. – Ешь. А я тут кое-что тебе скажу.

Русский кивнул.

– Вроде ты сделал все так, как мы тебя просили. Да? Ничего ведь не случилось? – как-то странно заговорил кечуа.

Пленник не знал, что и как на это ответить, и поэтому выбрал молчание. Если бы пришлось отвечать так, как есть, то нужно было сразу предъявить претензии по поводу своего нахождения в этой чертовой комнате в этих гребаных наручниках и прочее, прочее, прочее... К чему бы такая откровенность привела, Виктор догадывался, и рисковать не стал.

Главарь сделал вид, что не заметил молчания пленника и стал продолжать тему дальше.

– Ты не подумай, мы ведь люди слова, – уверял тот. – Деньги на счет твоей жены мы уже сбросили. Все четко, как и обещали.

Русский поднял глаза на индейца и не смог не одарить того недоверчивым взглядом. Взгляд был тут же пойман, после чего последовала новая волна заверений:

– Да ты не сомневайся! Все в порядке, – бандит извлек из кармана бумагу и протянул ее Виктору: – Вот. Знаешь, что это? Бланк банковского перевода. Видишь? Здесь все отмечено. И фамилия твой жены, и ее адрес. А что не фальшивка, то вот тут штамп, а тут печать. Так что не сомневайся.

Слепцов отложил ложку (вилку и нож для стейка ему дать все-таки не рискнули) и попытался взять бланк в свои руки. Бандитский верховод не позволил этого сделать, промолвив:

– У тебя руки жирные, ты испачкаешь.

Правда, сам показал бланк очень близко. И пленник сумел худо-бедно разглядеть, что на нем было написано.

– А позвонить жене можно? – прервал молчание Виктор.

– У тебя обязательно будет такая возможность. Поговоришь по телефону и с женой, и с дочкой. Только не сейчас. Это не от меня зависит. Просто сейчас нет связи.

Слепцову хотелось поверить во все это. Однако его терзали сомнения в искренности индейца. К тому же он подозревал, что весь этот «подкат» с едой, питьем и масляными речами был отнюдь не жестом доброй воли. За всем этим маячила какая-то очередная гнусность. Но какая? Русский мог только догадываться. Сальваторе сел напротив него, одарил пронзительным взглядом и стал что-то говорить едва ли не шепотом. Уже после первой фразы пленник напрягся и перестал есть. Ему явно не нравилось то, что предлагал бандит. Он хотел возразить, однако главарь не позволил ему даже и рта раскрыть. Кечуа резко встал и громко, в своей излюбленной манере прорычал:

– Даю три дня на размышление! И ни секундой больше!

Он театрально поднял руку с часами напротив русского, постучал пальцем по стеклу и быстренько покинул комнату.

Виктор сидел некоторое время мрачнее тучи. Затем он встал из-за стола. Аппетит пропал. Ко всему, что не было доедено, больше не хотелось прикасаться. Вот только полупустую бутылку он взял в руки и расхаживал с ней по комнатушке, пребывая в тяжком расположении духа. Индеец своим новым предложением тянул русского все дальше и дальше на дно.

6

Группа майора Лаврова прибыла в столицу Венесуэлы город Каракас специальным рейсом. С военного аэродрома, где совершил посадку доставивший русских десантников самолет, их быстро отвезли в гостиницу венесуэльского министерства обороны. Никаких тебе таможен, паспортных контролей и тому подобного.

Группу заселили в особые апартаменты. Это были два номера, соединенные между собой общим залом. Расположившись по номерам, участники группы собрались в зале за большим столом. Он стал местом как для небольшого завтрака – кофе, чай, сок, омлет, бутерброды – так и для знакомства русских с венесуэльскими координаторами операции. Все же сразу рваться в бой было бы безрассудством. Информации об исчезнувших российских медиках у десантников на момент прибытия было не так много. Местные военные реально могли помочь, если разобраться в хитросплетениях дела, хотя бы выйти на следы преступной группировки.

Завтрак и общение происходили параллельно друг другу. Двое венесуэльских военных, присутствовавших здесь же, лишь попивали воду и смотрели на русских. Разговор начал Батяня. Он отрекомендовал здешним коллегам своих людей. Майор несколько раз сделал упор на то, что это представители элиты офицерского корпуса ВДВ России.

– Это старший лейтенант Никита Плещеев, – говорил комбат. – Он отличный снайпер. Не раз подтверждал это не только на полигонах во время учений, но и в условиях боевых операций. Известен в наших кругах случаем, когда уничтожил вражеского снайпера, который находился в укрытии на расстоянии в полтора километра. Не спрашивайте как, никто до сих пор не может понять, как ему это удалось. А сам он только улыбается в ответ.

И действительно, старлей усмехался, запивая чаем очередной бутерброд. Венесуэльцы впечатленно закивали головами.

– Далее – лейтенант Иван Доронин, – продолжал майор. – Наш непревзойденный мастер связи. Ему дай лишь в руки пару подходящих деталей, и он тут же соберет передатчик. И я это говорю вам без преувеличения. Ну, а вот этот скромный мужчина – капитан Антон Середа. Наш медик. Маг и чародей в своем деле. Во многих «горячих точках» спасал наших. Даже тогда, когда это казалось безнадежным.

Если русские были в штатском, то оба венесуэльца, напротив, были одеты в военную форму. Причем старший по званию, полковник Мигель Эдуардес, был облачен в парадный мундир. Он хоть и казался приветливым, но от него за версту разило дворянской спесью. Батяня про себя окрестил его «горделивым идальго». Да и остальные участники группы тоже заметили, что полковник из числа тех людей, кому неведомо, что не шляпа красит человека, а человек шляпу. Вместе с тем все надеялись, что полковничья напыщенность не помешает общему делу.

Второй венесуэлец являлся адъютантом Эдуардеса. Он был противоположностью своему шефу – скромный и неприметный. Его звали Алехандро Ортега. На нем красовались погоны лейтенанта сухопутных войск вооруженных сил Венесуэлы.

Полковник стал обрисовывать исходное положение дел и, несмотря на свой горделивый вид, отрекомендовал русским своего адъютанта.

– Алехандро здесь со мной не просто так, – говорил идальго. – Он будет вашим проводником. Не потому, что я лично так хочу. А по той простой причине, что он уроженец тех мест, где располагался ныне разгромленный лагерь Красного Креста. Лейтенант знает ту местность, как свои пять пальцев. Думаю, вы не станете отрицать необходимость включения такого бойца в вашу группу.

– Никак нет, – не то чтобы уж совсем по-военному, но подчеркнуто вежливо отреагировал Лавров. – Мы как раз собирались спросить насчет проводника. А вы уже об этом позаботились. Приятно видеть профессионала.

Участники группы моментально сообразили, что Батяня нарочно сыплет комплиментами, чтобы посмотреть, как генерал от них «раздуется». И действительно, высокий армейский чиновник Венесуэльской Республики после слов Лаврова стал походить на голубя-дутьша. Русские не без интереса наблюдали за этим, однако куда больше их интересовало, что же еще скажет господин полковник.

– Считайте, что вам повезло дважды, – продолжил Эдуардес. – Помимо отличного проводника, у вас будет замечательный куратор. Да, я имею в виду себя. Наше командование и высшее руководство возложили на меня весьма ответственную задачу. Я буду вам помогать на всех этапах операции. Ваше легендирование, прокладка маршрута, транспортное и иное обеспечение – это все моя забота. Вам в помощь будет дан взвод нашего спецназа. Однако вы должны понимать ситуацию вокруг наших отношений с Колумбией. На территории Венесуэлы наши спецназовцы будут помогать вам. Если же возникнет необходимость действовать в Колумбии, то... – полковник сделал многозначительную паузу.

– Да, нас информировали об этих тонкостях, – вклинился Батяня. – Мы готовы приступить к делу уже в ближайшие часы.

– Похвальное рвение, – заметил идадьго. – Однако для составления конкретного плана действий необходимы снимки с вашего спутника. По последней известной мне информации таких снимков еще нет. Дело в том, что над нужным районом низкая облачность. Там идут дожди.

– Но не можем же мы просто так сидеть и ждать, – промолвил Батяня под одобрительное кивание участников своей группы. – Время идет, и следы российских врачей могут потеряться.

– Вы пока осваивайтесь, привыкайте к смене часовых поясов и климатических условий, – не растерялся генерал. – А то, что ваших медиков не увезут далеко, я просто уверен. Там дороги ни к черту, тем более в дождливую пору. Перевозить их по воздуху, скажем, на вертолете опять же дождь помешает. Так что скорее всего держат их где-то неподалеку от разгромленного лагеря миссии.

– Но ведь вашими военными, насколько я знаю, там ведутся активные поиски, а результата нет, – командир русской спецгруппы на этот раз высказал не самое приятное, что мог бы услышать Эдуардес.

– Во-первых, это простые военные, а не спецназ. Во-вторых, те же погодные условия делают недоступными целые районы. Там ведь есть ущелья, спуститься в которые в такую погоду практически невозможно. Пару лет назад там автобус разбился. Как раз в дождь, когда горную дорогу размывло. Благо, что дождь был несильный и можно было задействовать вертолеты. Так вот, бойцам спецназа приходилось спускаться вниз на тросах и на тросах же поднимать вверх раненых и тела убитых. Но это ведь спецназ! И у них была информация о конкретной точке, где произошла авария. А ваших врачей могут держать в каком-нибудь ущелье под прикрытием зарослей. Не все так просто, как может показаться... – генерал старался сдерживать эмоции и быть убедительным в своих словах.

Русские внимательно его выслушали. Лавров частично согласился с венесуэльским коллегой. Однако все же настоял на том, чтобы начать операцию в самые сжатые сроки после получения снимков со спутника. «Даже если на новых снимках будет всего лишь один квадрат, свободный от облаков, мы отправимся именно в этот квадрат», – заключил Батяня, чем обескуражил венесуэльского полковника и вызвал уважительный взгляд со стороны его адъютанта. Эдуардес не хотел ничего обещать и ответил весьма расплывчато. В стиле: «поживем – увидим». А вот Ортега хотел поддержать русских в своем рвении. Он даже прервал

свое затяжное молчание и будто бы выпорхнул из тени шефа, сказав, что при минимальном улучшении погоды вылазка возможна. Генерал посмотрел на него, затем на русских и в конце концов сказал: «Хорошо. Рискнем. Чего уж там».

7

Многие виллы богатого пригорода колумбийской столицы могли соперничать между собой в роскоши. Если бы эти виллы были девушками, дефилирующими по подиуму, то их бы там оказалось не так и мало. А десяток из них наверняка бы затеял перепалку, причем каждая доказывала бы, что именно она лучше остальных. Вилла наркобарона Хорхе Ботеро явно не была бы в числе скромниц. Ее отличала большая площадь. Помимо сногшибательного дома в старом колониальном стиле на территории виллы находилось несколько бассейнов, летняя кухня, шикарный сад, паркинг на два десятка автомашин, гараж на пять автомобилей. Дом с переменной этажностью в два-три уровня поражал своим богатым убранством. В нем насчитывалось несколько холлов, салонов, отдельных столовых, полностью экипированная кухня, десяток спальных комнат с ванными, гардеробные, пять террас, кинозал... Проще, наверное, было назвать то, чего в доме наркобарона не имелось.

Ботеро, тучный смуглый тип, резвился в бассейне с двумя аппетитными мулатками. Обе были полностью обнаженными, что их ничуть не стесняло. Хозяин придумал какую-то очередную игру. Он пытался изобразить «подводную лодку, мечущуюся между двумя впадинами». При этом он властно лапал и одну, и другую деваху. Те радостно хохотали и позволяли ему делать все, что только тому приходило в голову. Время от времени они делали передышки от этих забав. Вылезали из бассейна, устраивались на шезлонгах, потягивая дорогие коктейли. Сам наркобарон предпочитал виски с содовой. Причем компоненты надо было смешать в особой пропорции, к которой он давно приучил своих слуг.

– Пейте, не стесняйтесь! Дорогим шлюхам – дорогие напитки! – своеобразно подбодрил Хорхе своих партнерш по плесканию в бассейне.

В ответ слышалось лишь задорное «хи-хи». Мулатки вели себя так, будто в их адрес прозвучала не вульгарщина, а весьма утонченный комплимент. Мафиози шлепнул одну из них по заднице. В это время возле бассейна нарисовался слуга с золотым подносом. На подносе лежал телефон. С подобострастным видом слуга замер перед хозяином. Тот взял трубку.

– Слушаю, – произнес он таким тоном, будто делал одолжение не только тому, кто был на другом конце линии, но и целому миру.

Когда в трубке послышался голос, тон Хорхе немножко переменялся. Нет, его надменность не исчезла. Но в глазах заиграли искорки беспокойства.

– погоди, – сказал он коротко в трубку, прикрыл ее ладонью и бесцеремонно промолвил в сторону мулаток: – А ну-ка свалите отсюда минут на пять. Нечего вам здесь уши развешивать.

Шлюхи сделали вид, что все в порядке, и все с теми же улыбками поднялись с шезлонгов и ушли на другой край бассейна. Лишь тогда Ботеро продолжил телефонный разговор.

– Повтори то же, что говорил перед этим, только более внятно. А то ты так мямлишь, будто у тебя во рту мухи трахаются, – проговорил он в трубу, жестко чеканя каждое слово.

Наркобарон на время замолчал, выслушивая озвучиваемую для него информацию. Время от времени он морщился и облизывал языком зубы, словно готовился сплюнуть. Вскоре его выдержке пришел конец. Он действительно плюнул и сразу же выдал в трубку новую тираду:

– Послушай, кечуа, я это все давно знаю. Что ты мне в сотый раз втюхиваешь одно и то же прокисшее дерьмо? Ты мне свежей информации дай. О том, что общественное мнение по обе стороны границы не воспринимает их как просто врачей, не знает только какой-нибудь ленивый хрен. Кажется, что в последнее время все только и судачат о них как об оборотнях в белых халатах. Спасибо нам и продажным телевизионщикам за это. Но что будет дальше? Сможем ли мы, используя эту информационную волну, полностью подавить

их волю и вовлечь во что-нибудь по-настоящему серьезное? Вот это меня интересует больше всего, а не то, что они там где-то сейчас сидят и дрожат на русский спецназ. Нам нужно развивать бизнес. А они со своими знаниями и опытом были бы в нем далеко не лишними. Надо срочно и активно раскручивать их на это дело. — Он наконец сделал паузу, громко выдохнул и спросил: — А что там, кстати, насчет русского спецназа? Наш человек в Каракасе не молчит?

Мафиози снова превратился в слушателя, который время от времени вставляет свои реплики.

— Всего пять человек? Они собираются нас этим испугать? Профессионалы? Ахаха. Да что может сделать пятерка профессионалов против нескольких сотен наших парней? Да тем более на контролируемой нами территории. Так что пускай этот информатор из Каракаса не бздит. Мы справимся. Что там с дождями?.. Отлично. Пусть русские прибывают. Ну, а мы уж устроим им сердечный прием. У меня тут мысль одна интересная созрела. Можно сказать, готовый план действий. Так что слушай внимательно и запоминай. Можешь записать, но смотри, чтоб не попало ни к кому в руки.

Наркобарон направился в дом, на ходу излагая детали своего плана.

8

Еще одна ночь размышлений вперемешку с терзаниями закончилась для Виктора Слепцова принятием важного решения. Он решил во что бы то ни стало бежать из заточения. Взвесив все «за» и «против», русский посчитал, что вероятность успеха его замысла высока. Наручники, которые еще совсем недавно сковывали его движения, были сняты и больше на запястья не возвращались. Это давало довольно большую свободу действий. Правда, нужно было определиться, каким именно образом стоило бы задать стрекача из этих чертовых стен. О том, чтобы напасть на охранника и бежать через дверь, речи идти не могло. Это было равносильно самоубийству. Единственным возможным вариантом выглядело окно. Оно хоть и было зарешечено, но рама не казалась сверхпрочной.

С самого утра Виктор принялся в подробностях изучать оконную раму. Это была вполне обычная деревянная конструкция, в которую встроили решетку. Имелся бы под рукой нож или хотя бы вилка, можно было бы достаточно легко ее снять... А так пришлось думать, что взять в качестве инструмента. В комнате ничего такого и близко не имелось. Пленник обшарил ее полностью. Сел и стал лихорадочно думать. Мысль пришла тогда, когда он почти уже отчаялся. Из кроссовки Слепцов аккуратно извлек металлический супинатор. Он-то и должен был послужить орудием для уничтожения деревянной преграды.

При этом следовало быть осторожным. Любой громкий звук мог быть услышан за пределами комнаты. Поэтому не могло быть и речи о том, чтобы взять супинатор и лупить им изо всех сил по оконной раме. Такого переполоху наделал бы, что наверняка сбежалась бы вся охрана. Виктор начал действовать осмотрительно. Сначала на цыпочках подошел к двери и бесшумно прижался к ней ухом. Не услышав со стороны коридора никаких подозрительных звуков, Слепцов направился к окну. Он еще раз осмотрел раму и выбрал место, с которого начать. Работа закипела. По чуть-чуть, по маленькому кусочку русский стал крошить раму.

Сердце Слепцова бешено колотилось. Руки подрагивали. В голове была мысль о том, что в любую минуту его затею могут раскрыть. Но он все равно продолжал расколупывать раму и расшатывать решетку. Опять же жажда свободы была сильнее животного страха, сидевшего в нем. По идее, охрана не должна была заходить раньше обеда. Если, конечно, индейцу вдруг не приспичило бы пообщаться с пленником. Однако неожиданностей полностью исключать было нельзя. Русский старался быть готовым к неприятным сюрпризам. Чередовал работу с «прослушиванием» коридора. Все было спокойно.

Дверь скрипнула тогда, когда Виктор меньше всего этого ожидал. Казалось бы, только что в очередной раз он «прослушал» коридор и, убедившись, что все спокойно, вновь взялся за раму. И тут – скрип, резкий толчок, и дверь распахнута настолько широко, насколько это было возможно. На пороге стоял охранник с подносом в руках.

– Что? Прогуливаешься? – спросил тот, увидев пленника, который расхаживал «руки в брюки» по комнате.

– Ну, вы же на прогулки не выводите, – лениво ответил Виктор, который едва успел спрятать супинатор.

– Тебе это не положено, – тут же объявил охранник и, оставляя поднос, добавил: – Ешь давай. Сегодня обед немного раньше. Так что смотри сам. У нас здесь кормежка один раз в день.

– Хорошо, – промолвил в ответ русский и кивнул головой.

Охранник вышел из комнаты, хлопнул дверью и запер ее на ключ. Слепцов невольно подошел к подносу. Обед был не таким, как в приход индейца. Гораздо скромнее. Однако имелось достаточно хлеба и воды. Он сразу подумал, что это необходимо будет взять с собой.

Гнушаться же остальной едой он не стал и все-таки перекусил. Правда, очень быстро, словно его кто-то гнал в шею.

Едва Виктор справился с обедом, он вернулся к оконной раме и продолжил осуществление своего замысла. Снова и снова опасаясь разоблачения, он то освобождал решетку от дерева, то прислушивался к коридорным звукам. К вечеру его старания наконец дали долгожданный результат. На улице почти стемнело. Пленник аккуратно, словно яйца Фаберже, взял решетку, вытащил из остатков рамы и уложил на лежак. Затем прихватил оставленные от обеда припасы, поднес к окну стул, взобрался на него и осторожно высунул голову. Огляделся по сторонам. Казалось, что ничего такого подозрительного вдоль этой части стены и рядом с нею не было. Набрав в легкие воздуха, русский сиганул из окна в траву. Приземлился удачно. Радовался, что стул в комнате не упал. А значит, шум был минимальным. Он мгновенно нырнул в близлежащие заросли и попытался услышать, не ворвались ли в комнату его недавнего заточения охранники. К большому для себя облегчению беглец обнаружил, что его побег остался незамеченным. Впрочем, это не было поводом медлить.

Слепцов подался через заросли прочь от здания, где его держали. В те секунды ему казалось совсем неважным, куда бежать, лишь бы подальше от места заточения. Путь его шел в основном через заросли. Преодолев немалое расстояние, он, к счастью для себя, осознал одну вещь. Ведь нигде на пути его следования не оказалось ничего такого, что напоминало бы забор или какого-нибудь рода заградительные сооружения. В этом был большой плюс, и это явно склоняло к радостным мыслям о том, что побег все-таки удался. Попадись на пути стена с колючей проволокой или спиралью Бруно, Виктор вряд ли сумел бы ее преодолеть. А о том, что на него могли быть спущены натренированные собаки, ему даже и думать не хотелось.

Продолжая движение, беглец вскоре услышал шум машин. Остановился на месте. Замер и невольно прижался спиной к ближайшему дереву. На слух попытался определить, откуда едут машины и не его ли это преследуют. Однако характерный повторяющийся звук (правда, не частый) склонял его к другому выводу. Скорее всего где-то неподалеку находилось шоссе. Немного поколебавшись, Слепцов двинулся в том направлении, откуда исходил гул автомобильных двигателей. Двигался крадучись. И так же крадучись вышел на шоссе. Дорога была явно получше венесуэльской. Хотя и образцом дорожного строительства ее назвать было нельзя. Тем не менее русского тут же посетила мысль, что это все-таки Колумбия, а не Венесуэла. Очень скоро его предположение подтвердилось. По шоссе ехали редкие машины. У всех были колумбийские номера. «Ну, хоть с местоположением какая-то определенность, – подбадривал себя Слепцов. – Хотя бы знаю, что это колумбийская территория. Остается поймать машину и попытаться узнать, какой здесь ближайший город...»

Поймать попутку оказалось не так уж и просто. К моменту выхода Виктора на шоссе уже изрядно стемнело. Подбирать ночью «голосующего» никто не хотел. Кто-то нервно сигналил, кто-то просто прибавлял скорости, чтобы как можно быстрее проехать мимо. Мало ли какая опасность могла исходить от этого бредущего по ночной трассе одиночки. Русский, видя это, отчаиваться не собирался. Он продолжал идти по краешку дороги и всякий раз, когда приближалась очередная машина, махал рукой. Никто не останавливался. Так проехало десятка два авто разного калибра. Когда минул почти целый час его безуспешных попыток остановить хоть какой-нибудь транспорт, дорожную тьму озарил свет еще одного автомобиля. Это была какая-то совершенно добитая легковушка. Слепцов на секунду призадумался: возьмут его или нет. Но все-таки вскинул руку. Легковушка притормозила. Пожилой водитель распахнул дверцу. Беглец шмыгнул в салон. Едва машина тронулась, он протянул шоферу деньги и попросил телефон.

– Понимаете, мне в Москву, жене позвонить надо. Думаю, этих денег хватит и на оплату звонка, и на вознаграждение за ваши хлопоты, – проговорил он.

– Я не ослышался? В Москву? – переспросил немного ошарашенный хозяин машины, разглядывая деньги.

– Да. В столицу России.

– А почему «бабки» такие мятые?

– Пришлось их хранить по-особенному, – не вдаваясь в подробности, ответил Виктор. Ему нисколько не хотелось объяснять, как и где ему пришлось прятать деньги от скрутивших его бандитов.

Водитель протянул пассажиру телефон. Тот стал живо клацать по кнопкам, набирая заветный номер. Вызов шел. Сердце билось чаще от нарастающего с каждой секундой волнения. Наконец на том конце линии ответили. Это была его жена. «Привет, моя милая, – с дрожью в голосе молвил русский. – Ничего не спрашивай. Только послушай, пожалуйста, меня. Я попал в очень сложную ситуацию. Ты должна все знать, чтобы потом кое-что сделать. Но скажи мне вначале, как там доченька?» В этот самый момент сзади неожиданно, словно из ниоткуда, объявился черный джип. Мигая фарами, он быстро нагнал легковушку, обогнул и резко прижал к обочине. Водитель легковушки ругал себя и своего пассажира, жалея, что подобрал того. Пассажир, в свою очередь, будто бы потерял дар речи. В трубке слышался испуганный женский голос. Но он на него не реагировал. Смотрел на джип, как кролик смотрит на удава. Из внедорожника выпрыгнуло несколько крепких парней, а вместе с ними Хуан Антонио Сальваторе. Дверцу открыли, едва не оторвав ее. Шофера взяли на прицел. Слепцова выволокли из машины. Он все еще держал в руках телефон. Индеец выхватил его, со всего размаху бросил на дорожное покрытие и старательно втоптал в землю каблуком.

– Ну, кому ты звонил, сволочь?! – зашипел главарь. – Полицию вызвать захотел? Или женушку свою решил предупредить?

– Да что уж теперь... – потерянным голосом пробормотал беглец.

– Вообще-то ты зря решил бежать, амиго, – кечуа вдруг заговорил более мягко, почти ласково. – Тебе в героя захотелось поиграть или что? Так ведь ничего героического в твоём поступке нет. Это тупое безрассудство. Знаешь такое слово? Знаешь. Так вот оно тебе подходит. Ну, что бы ты смог сделать? Ну, убежал бы в Боготу. И что же дальше? Пошел бы в свое посольство? Думаешь, там тебя ждут с распростертыми объятиями? Ты ошибаешься. Тебя бы там и слушать не стали с тем, что ты хотел им сказать. А попросили бы рассказать кое-что другое.

– Что именно? – не мог уловить подвоха русский.

– Например, то, как ты вместе со своими поделеньниками разбирал на органы венесуэльских крестьян, – не замешкался с ответом бандит. – Или то, как ты незаконно пересекал государственную границу и оказался в Колумбии. Тебе этих вопросов пока достаточно? Или еще хочешь?

Слепцов машинально пожал плечами. Сальваторе кивнул головой своим подручным. Те окружили русского со всех сторон и пустили в ход кулаки. Каждый подтаскивал неудачливого беглеца к себе, проделывал несколько ударов, от которых тот отскакивал, оказываясь перед кулаками другого бандита. И так его метелили минут пять. Когда же он в конце концов свалился на землю, к экзекуции присоединился и Хуан Антонио. Он несколько раз ударил Виктора ногой по почкам, абсолютно не жалея на это ни сил, ни рвения.

– Связать этого урода. И в багажник, – приказал он своим громилам.

– Будет сделано, – послышалось в ответ. – А с машиной что?

– Уберите его, – последовала короткая команда, полная лютой жестокости.

Подручные без колебаний выполнили ее, хладнокровно пристрелив молившего о пощаде старика. При этом не погнушались обшарить его карманы и забрать всю наличность. Слепцова тем временем уже связали и забросили в багажник. Внедорожник развернулся и

остановился. Ожидали одного из бандитов, который взял на себя смелость поджечь легковушку. Когда в ее салоне вспыхнуло пламя, он быстренько подбежал к джипу и запрыгнул в открытую дверь. Дверь захлопнулась. Машина двинулась с места и спешно скрылась с места происшествия. Сильно избитый Виктор лежал в багажнике без сознания. Ему еще предстояло узнать, что возвращают его туда же, откуда он рискнул совершить побег.

9

Группа российских десантников прибыла в тот самый венесуэльский городок, где еще совсем недавно работала миссия Красного Креста России. Прибыла она в сопровождении местного спецназа. Вместе с русскими прибыли также полковник Мигель Эдуардес и его адъютант, лейтенант Алехандро Ортега. Как и предполагалось ранее, первый должен был координировать действия русских и венесуэльцев, а на второго возлагалась роль проводника.

Естественно, что группа прибыла под прикрытием. И майор Лавров, и его люди были легендированы как участники новой миссии Красного Креста. Правда, на этот раз не российского, а болгарского. Соответствующий антураж старательно соблюдался. У стороннего наблюдателя даже на секунду не должно было возникнуть сомнения, что в местечко прибыли врачи.

Дальнейшие действия десантники должны были предпринять на основе снимков, которые были получены с российских разведывательных спутников. Данные с них поступили накануне прибытия русских в этот городок. Полученная информация была ценной, так как давала возможность прояснить некоторые нюансы случившегося. Так, с помощью снимков было выяснено, что километрах в тридцати от разгромленной миссии находилась взлетно-посадочная полоса. Она была небольшой, но вполне пригодной для эксплуатации. То, что она действительно функционирует, подтверждалось другими фотографиями. На них были зафиксированы моменты взлета и посадки малогабаритных самолетов. Причем не было отмечено ни одного случая, чтобы эти самолеты прилетали с территории самой Венесуэлы. Все без исключения – только из колумбийского воздушного пространства.

Этими данными Батяня и участники его группы распорядились вполне разумно. Майор сразу же задался вопросом об объеме топливного бака подобного самолета. Несколько щелчков по клавиатуре ноутбука – и необходимые сведения были получены. В результате было подсчитано, что топлива самолетам данного типа хватает на крайне небольшое расстояние. Эту информацию майор сопоставил с картой региона и другими фотографиями, переданными со спутника. Из предполагаемых точек приземления на колумбийской стороне получилась своеобразная дуга. Батяня провел ручкой по этим точкам на карте, выясняя попутно особенности местности – как по данным карты, так и свежим снимкам. Сомнений не было. Дуга, между прочим, проходила через местность, где более-менее отчетливо просматривалось то, что напоминало аэродром. И на снимках, и на карте место выглядело вполне пригодным для приземления самолета.

«Если пленников куда-то и вывезли, то скорее всего именно в этот район, – высказывал свои соображения Лавров. – Вероятно, похитители удерживают их где-то неподалеку от этого аэродрома. Причем это может быть точка как на колумбийской, так и на венесуэльской территории». Эти предположения были лишь предварительными. Точную информацию предстояло получить путем общения со здешними индейцами. Кто-кто, а они наверняка должны были что-то знать.

Пока суд да дело, Батяня в обществе «адъютанта его превосходительства», как русские между собой называли Ортегу, прогуливался по городку. Алехандро родился именно здесь. В городке ему был знаком буквально каждый закоулок. Достопримечательностями населенный пункт похвастаться не мог. Однако его расположение в живописной горной местности придавало ему особый колорит.

Ортега рассказывал командиру русских десантников о своем родном городке. В его рассказе было минимум исторических фактов и максимум здешних легенд. Казалось, что свои собственные легенды здесь имели каждый дом, сарай и даже столб. Слушать было, в

общем-то, интересно. Кроме того, эти рассказы давали Батяне лучшую возможность понять, с кем он имеет дело. В те минуты Алехандро казался более раскованным, не таким зажатым, как при полковнике.

Дело шло к вечеру. В горах темнеет быстро, поэтому сумерки сгустились стремительно. Ортега предложил возвращаться обратно в здание миссии, но сделать это не той же дорогой, а более коротким путем. Лавров не стал перечить и последовал за венесуэльцем. Едва они вывернули на боковую окраинную улочку, как услышали истошный женский крик. Источник крика и его причину долго искать не пришлось. Возле одного из домов разыгрывалась весьма неприглядная сценка. Несколько смуглых с виду очень крепких мужичков силой тащили в машину молодую девушку. Даже в полутонах надвигающейся ночи можно было заметить, что жертва этих «крепышей» очень красива и сексуальна. У Батяни сразу же возникла стойкая ассоциация с Кармен – роковой женщиной из оперы Жоржа Бизе.

Девушка голосила на всю округу, взывая о помощи и проклиная похитителей. Но окраина городка в тот момент будто бы вымерла. Никого поблизости нельзя было заметить. Складывалось впечатление, будто люди попрятались в своих жилищах, определив красавицу в качестве жертвы для голодных хищников. Со стороны выглядело вполне очевидным, что ее собираются увезти не по своей воле. Русский и венесуэлец подбежали поближе.

– Какого черта здесь происходит? – громким голосом спросил Алехандро.

– Не твое дело. Иди туда, откуда пришел, пока не наваляли, – рыкнул в ответ один из громил.

– И все же ответьте на мой вопрос, – настаивал адъютант полковника.

Вместо ответа последовал резкий выпад со стороны одного из похитителей – он врезал Ортеге кулаком в челюсть. Благо тот успел сообразить, к чему все идет, и немного отстранился. Удар прошелся в большей степени по касательной. Лавров среагировал мгновенно. Он резко перехватил руку громилы, завернул ее назад и несколько раз ударил мерзавца под дых. Тот сразу обмяк, скукожился. Русский нанес дополнительный удар в голову и отпустил громилу – тот просто рухнул на землю.

– Ах, ты ж сука! Да мы ж тебя уроем здесь! – с гневным изумлением кричали остальные похитители, набрасываясь на Батяню. Комбат, недолго думая, вытащил ремень и стал использовать его в качестве средства обороны и нападения. Каждый из тех, кто на него набросился, получил без разбору пряжкой – кто-то по морде, кто-то по шее, кто-то по спине. Громилы не ожидали такого сопротивления и даже растерялись на несколько секунд. Майор использовал их растерянность в своих целях. Схватил ближайших к себе уродов и резко столкнул их друг с другом. Это позволило нейтрализовать их на какое-то время. Однако синхронно с этим еще у одного из «синьорчиков», как их про себя окрестил русский, в руке появился массивный нож.

– Я посеку тебя на куски! – вопил тот, делая выпады в надежде зацепить незнакомца лезвием ножа. Незнакомец, то бишь Батяня, ловко уходил от ударов. Улучив подходящий момент, он, умело пользуясь все тем же ремнем, выбил «тесак» из руки нападавшего. Нож упал на землю. Майор, не теряя ни секунды, налетел на обидчика и провел серию ударов в голову и корпус. Тот даже не успел среагировать и не сумел выставить ни одного блока.

Очередная победа незнакомца еще больше озлобила похитителей. «Да кончайте же с ним скорее!» – выкрикнул кто-то, кто наверняка мог быть главным. В то же мгновение у одного из громил «нарисовался» пистолет. Судя по всему, он не собирался шутить и готов был выстрелить. Батяня действовал молниеносно. Он схватил двумя руками предыдущего нападающего и бросил в убудка с пистолетом. Тот оступися, и оба подлеца рухнули вниз. Батяня ногой выбил пистолет из рук бандита. Оружие отлетело в сторону и грохнулось на песок. Адъютанту тем временем удалось вызволить девушку. Раздался громкий, непонятно

откуда исходивший свист. Громилы, словно по команде, бросились в машину и в считанные секунды уехали с места потасовки. И нож, и пистолет так и остались лежать на земле.

Заплаканная девушка стояла вместе с Ортегой. Лавров подошел к ним. Красавица с благодарностью смотрела на спасителя и не выдержала – заключила его в объятия, продолжая плакать.

– Ну, тише, тише. Все уже позади, – не удивившись подобной реакции со стороны девушки, Батяня попытался ее успокоить. – Тебя как зовут, красавица?

– Амаранта, – промолвила та сквозь всхлипы. – Кто вы? Вы так помогли мне. Так помогли...

– Вообще-то это сотрудник болгарской миссии Красного Креста, – пояснил Алехандро.

Несколько минут ушло на то, чтобы объяснить девушке ситуацию, строго следуя легенде. Когда это было сделано, тройка направилась в сторону здания миссии. Андрей первым делом поинтересовался:

– Зачем они хотели тебя выкрасть?

– Да вы не поверите! – воскликнула Амаранта.

– Ну, почему же? – выражая готовность выслушать,отреагировал «болгарин».

– Наверное, вы думаете, что они собирались меня увести, чтобы где-нибудь изнасиловать? – довольно смело, без полупафоса говорила она. – Так вот нет. Дело в другом. Они хотели украсть меня, чтобы вывезти в Колумбию и там разобрать на органы.

– Стоп, – скрывая изумление, промолвил Лавров. – Я правильно понял или...

– Они хотели меня выпотрошить, чтобы продать мои здоровые органы, – не дала договорить девушка. Она немного успокоилась. Но в голосе ее все равно ощущалась дрожь.

Заинтригованный таким поворотом событий, Батяня понимал, что рассказ этой красавицы мог бы дать немало неожиданной информации.

– Послушай, Амаранта, – обратился он к девушке. – А ты могла бы подробно рассказать о том, как все это произошло? Я так понимаю, эти гады тебя не с бухты-баракты схватили. Что-то ведь было и до этого. Или я ошибаюсь?

– Нет, доктор, не ошибаетесь, – говорила она. – Со мной и правда целая история приключилась. Вы на самом деле хотите ее услышать? Или просто из сочувствия спрашиваете?

– Уверю тебя, что не только из сочувствия. Рассказывай, пожалуйста, – мягким заботливым тоном промолвил Лавров.

Амаранта ничуть не театрально вздохнула и начала свое повествование. Она рассказывала все очень красочно и эмоционально. И Батяне, и адъютанту казалось, что они видят происходящее собственными глазами, слышат произнесенные фразы и даже чувствуют дуновение ветра, о котором упоминала красавица...

10

Представьте себе маленькую колумбийскую деревушку в долине между горами. Темная ночь без единого намека на лунный свет, закрываемый горами. В деревне все спят. Или делают вид, что спят. По крайней мере все довольно тихо и спокойно. Лишь собаки изредка лаируют. Но не так громко, чтобы обращать на них внимание. Ночь теплая. Даже жаркая. Окна в доме моих родителей раскрыты. Родители надеются на прохладу, которую может принести ветер. Однако ветер, играющий в ветках деревьев и трепещущий в оконных сетках от насекомых, очень теплый.

Впрочем, в отличие от родителей, я об этом не думаю. Мои мысли заняты молодым человеком, которого я нетерпеливо ожидаю у окна. Ожидаю и перебираю в голове способы бесшумного ухода из дома. С другой стороны, я знаю, что родители догадываются о моей влюбленности. Правда, вряд ли им известно, кто он такой. Повезло же мне встретить приличного парня, чтобы был не из нашей деревни. Недавно совсем познакомился. Но я от него без ума. Такой хороший. Обходительный. По-настоящему мужественный, но при этом очень и очень ласковый...

За окном я слышу легкий шорох. «Неужели дождь?» – с опаской спрашиваю себя я и облегченно вздыхаю, когда слышу условленный стук в оконную раму. Это он – мой возлюбленный – приехал, чтобы забрать меня на тайное свидание. Я подаю ему знак, что услышала его, и стараюсь бесшумно прошмыгнуть к дверям. Если услышит отец, то наверняка никуда непустит. Да и мама тоже. Однако родители блаженно спят. Я открываю двери и оказываюсь в объятиях возлюбленного. Мне немного стыдно целоваться на пороге родительского дома. Но страсть пьянит мне разум. После долгого поцелуя мы идем прочь от дома. Идем к машине моего парня. Да, у него машина. И не такая уж и старая, как у многих моих односельчан. Деньги у моего любимого водятся. А оставил он свое авто чуть в стороне от дома моих родителей, чтобы ни папа, ни мама не слышали шума мотора.

И вот мы в машине. Он за рулем. Я рядом с ним. Мы едем по пустынной ночной дороге. Возлюбленный говорит мне нежные слова. Мне таких никто раньше не говорил. Не умеют парни в нашей деревне таких слов говорить. Или не знают вовсе. Он ласкает меня. Я готова быть с ним прямо здесь и сейчас. Но мой любимый говорит, что недалеко есть уютный домик, где можно будет пробыть хоть до утра. Я не возражаю. Я со своим милым хоть на край света.

И вот авто сворачивает с трассы в джунгли. Я не удивляюсь. В наших краях живописные места. Здесь вполне может находиться чья-нибудь вилла. И не одна даже. Я и не думаю об этом. Мне хочется скорее поцеловать любимого. Я жду, когда же мы наконец приедем. И вот впереди в свете фар маячит здание. Оно мало походит на виллу. Но меня это несколько не смущает.

Машина останавливается. Любимый говорит: «Выходи». В его голосе ощущается холод. Это звучит так, будто он прогоняет меня. «Что-то случилось?» – не удерживаюсь я от вопроса. «Пошла вон!» – грубо отвечает он. Мое сердце обрывается. Я не понимаю, что происходит. Дверцы машины открываются. Снаружи стоят двое в плащах. Накапывает дождь, который через несколько секунд превращается в жесточайший ливень. Я кричу от дикого ужаса. Чувство страха быстро овладевает мною. Свидание обернулось не тем, чего я ожидала.

«Ты плохо слышишь? Вылезай из машины!» – рявкает один из тех, кто был в плаще. Я воплю, реву, хватаюсь за сиденья и панели, пытаюсь остаться внутри автомобиля. Но силы неравны. Мужики в плащах тащат меня наружу. А тот, кого я совсем недавно называла воз-

любленным, помогает им. Он толкает меня в спину. Сначала руками. А под конец добавляет ногой. Для убедительности.

Как только я оказываюсь на улице, мне цепляют наручники, а на голову накидывают мешок. Дождь холодный. Я мгновенно вымокаю и дрожу от холода. Но еще больше я дрожу от страха. Я не знаю, почему со мной так поступают и что будет дальше. Однако сильно уверена, что ничего хорошего мне ждать не стоит.

По тому, каким приглушенным становится вдруг шум дождя, я соображаю, что меня привели вовнутрь здания. Я продолжаю плакать, но не кричу и не дергаюсь. По дороге меня несколько раз бьют так сильно, что я едва не отключаюсь. Лучше бы отключилась. Но нет. Меня уводят все дальше и дальше. Скрипит дверь. «Она уже здесь? Отлично! Давайте ее сюда!» – слышу я чей-то злорадный голос. Меня поднимают и кладут спиной на какую-то твердую поверхность. Ноги мои чем-то скрепляют. Я почти не могу ими пошевелить. Наручники с запястий снимают. Руки раскидывают в противоположные друг от друга стороны и так же, как и ноги, пристегивают к невидимым для меня оковам.

Лишь когда все это оказывается проделанным, с меня снимают мешок. Яркий свет ударяет мне в глаза. Я не в состоянии сразу же определить ни размер помещения, ни свое местоположение в нем. Не давая мне опомниться, обладатель злорадного голоса приказывает своим помощникам подготовить меня к операции. Только тогда до меня доходит, где я оказалась. Меня хотят разобрать на органы! Я нахожусь в подпольной клинике, привязанная к операционному столу!

Злорадный доктор, совсем еще молодой человек европейской внешности, с ухмылкой смотрит на меня. Я снова пытаюсь закричать. Но его помощники заклеивают мой рот скотчем. Это уже не те, в плащах, а еще один врач и медсестра. Я с ужасом смотрю на этого чертова доктора и понимаю, что его одолевает не только желание скорее начать операцию. Мое платье до последней нитки мокрое от дождя. Оно облегает мое тело. Я ощущаю себя полностью голой. Доктор же особо и не скрывает своего намерения. Подойдя поближе к столу, он проводит рукой мне по бедру. После этого обращается к своим ассистентам: «Давайте повременим с операцией. Не пропадать же таким прелестям. Минут пятнадцать-двадцать подождете в другой комнате? У вас-то регулярный секс. А мне как без жены трудно!» Парочка похабно хихикает и выходит за двери. Доктор поворачивает ключ в замочной скважине и возвращается к операционному столу.

Несколько секунд он смотрит на меня, как орел на близкую желанную добычу. Затем резко начинает срывать с меня платье и нижнее белье. Я вновь пытаюсь дергаться в слепой надежде, что доктор одумается и откажется от своих грязных намерений. Однако мое сопротивление только больше его распаляет. «Да не бушуй же ты так, детка», – с не исчезающей с уст ухмылкой говорит он мне, любясь моей наготой. Я теряю силы. Я не знаю, что мне делать. Но что-то внутри толкает меня к сопротивлению.

Я слышу, как возится доктор, стаскивая с себя штаны. Хохочет, упоминая «маленькую, но важную штучку», и взбирается на стол. Ко мне. Я чувствую его тело. Я ощущаю его вздыбленную плоть. Я вся напряжена. Он кряхтит и посмеивается. При этом почти что ласковым голосом просит, чтобы я расслабилась и получила удовольствие. «Это ведь последний раз в твоей жизни, милая», – добавляет он, налегая на меня. Эти слова приводят меня в бешенство. Но я связана. Я не могу ничего сделать. Я еще больше напрягаюсь. Я стараюсь пошевелить руками. И – о, чудо! – правая рука оказывается свободной. Видимо, не слишком хорошо пристегнули. Или мои старания помогли. Я делаю вид, что готова отдаться доктору. Он называет меня умницей и целует мою грудь. Я едва сдерживаю отвращение. Но понимаю, что надо отвлечь внимание насильника от моей освободившейся руки. Рядом находится столик с хирургическими инструментами. Я заметила его боковым зрением раньше. Именно этими инструментами меня должны были разделать и вырезать все органы. Но в эти мгно-

вения я воспринимаю каждый скальпель, лежащий на этом столике, как своего помощника. Только бы дотянуться. Только бы доктор не начал атаковать «мои ворота» прежде, чем я схвачу скальпель.

О, господи! Мне это удалось! Скальпель в моей руке! Я не думаю. Я не колеблюсь. Я резко поднимаю руку и втыкаю скальпель насильнику в бок. Я не понимаю, откуда у меня берутся силы, но ударяю его еще несколько раз. Тот не успевает понять, что произошло, и застывает без сознания. Я не спешу сбросить его на пол. Боюсь, что на шум прибегут помощники. Поэтому в первую очередь освобождаю левую руку, а затем и ноги. Бесшумно спускаюсь со стола. Спешно оглядываю комнату. Ничего из одежды, кроме медицинской, не находится. Быстро одеваюсь. Подкрадываюсь к двери. Прислушиваюсь. В коридоре тишина. Лишь откуда-то издали доносятся стоны. Парочка помощников времени явно не теряла, ублажая друг друга в дальней комнате. Я натянула на лицо повязку, повернула ключ, открыла дверь и вышла в коридор...

* * *

Амаранта посмотрела на «болгарина» и после паузы сказала:

– До сих пор не могу понять, как сумела найти выход из того здания и как не попала на глаза кому-то из врачей-убийц или их приспешников. Но я готова была сопротивляться. Пару скальпелей прихватила с собой. Если бы мне кто-то встретился в том коридоре и попытался остановить, я бы точно знала, как действовать... Но бог миловал. Я выбралась из подпольной клиники и рванула через джунгли. Дождь продолжал идти. Возможно, он меня и спас тогда от погони. Я не стала возвращаться в свою деревню. Добрела до городка, где живут мои друзья. В общих чертах рассказала о случившемся. Они помогли мне перебраться сюда, в Венесуэлу. Пряталась у их знакомых. Но вот и здесь бандиты меня нашли. Стоило мне дозвониться до родителей и сообщить, что я жива...

– Ты уверена, что эти громилы как-то связаны с врачами-убийцами? – спросил Лавров, в целом впечатленный подробным и смелым рассказом девушки.

– Да. Они сразу мне сказали, что один раз убежала, а второй раз не получится. Пойду, мол, под нож, на органы, – моментально ответила красавица.

– Понятно, – кивнул Батяня. – А ты хорошо запомнила того доктора, который собирался тебя...

– Не очень. Но если бы сейчас увидела, то узнала бы.

– Глянь-ка вот на это, – майор достал из кармана рубашки фотографию Виктора Слепцова и протянул ее собеседнице. – Похож?

– Да это же он! – воскликнула она и невольно развела пальцы так, что снимок упал на землю.

Его тут же поднял Алехандро, мельком взглянул на фото и отдал Андрею.

– Так, так, – задумчиво промолвил тот, пряча снимок обратно. – Скажи, а место, где находится этот подпольный госпиталь, ты хорошо запомнила? На карте это место сможешь найти?

Амаранта пожала плечами и сказала:

– Ну, если бы ехать от моей деревни или от того городка, где я скрылась после побега, то могла бы то место показать. А вот с картой я не дружу. Честное слово. Не понимаю я в карте ничего.

– Не беда, – не стал ее журить Батяня. – Думаю, венесуэльским военным пригодится все то, что ты уже рассказала. Правда, сеньор Ортега?

– Да, безусловно, – отозвался «адъютант его превосходительства». – Такой подробный эмоциональный рассказ серьезно дополнит общую картину. Поиски преступников изрядно облегчатся.

Десантник смотрел на него с воодушевлением. Ведь по сути, если бы Алехандро не предложил возвращаться в здание миссии коротким путем, они наверняка никогда не увидели бы Амаранту живой. И уж тем более не услышали ее изобилующую деталями историю. Теперь можно было подумать и о переходе операции в более активную фазу. Нет, безусловно, Батяне нравилось ощущать себя Шерлоком Холмсом, но душа жаждала боя. Настоящего боя.

– Я искренне надеюсь на то, что все, причастные к этой истории, будут пойманы и справедливо наказаны, – сказал он, обращаясь к девушке. – Я понимаю, какой шок ты перенесла. Прости, что заставил тебя это снова пережить. Но твоя информация действительно бесценна.

Амаранта немного смущенно улыбнулась и поблагодарила за спасение.

11

Похищенных участников миссии российского Красного Креста держали вместе в одном большом просторном помещении. Похитители мало заботились об удобствах. Даже кроватей здесь было вдвое меньше, чем самих пленников. Приходилось чередоваться и спать то на кроватях, то на напольных настилах. Исключение делалось только для пожилых. Это решили сами участники миссии. Такая их организованность не очень нравилась бандитам, так как за ней виделась потенциальная вероятность бунта. Впрочем, пока что они использовали их организованность в своих целях. Все-таки легче было, когда сами пленники разбираются между собой в бытовых вопросах и не требуется вмешательство извне. То, что бытовые вопросы касались в основном лишь мест для сна, гангстеров волновало мало.

Явных лидеров среди похищенных было двое. Во-первых – пожилой, умудренный профессиональным и жизненным опытом хирург Сергей Сергеевич Беспалый. Во-вторых – тридцатилетний энергичный и смекалистый анестезиолог Дмитрий Иванович Соболев. По своим личным качествам они пользовались среди остальных практически абсолютным авторитетом. При этом ни один, ни второй таким своим положением ничуть не упивались. Держались довольно скромно в числе остальных врачей, медсестер и персонала, прямо не связанного с врачебным делом.

Бандиты, стараясь держать похищенных в постоянном напряжении, делали по несколько обысков в день. Как будто у врачей вот так вдруг, из ниоткуда, могло взяться оружие или инструменты для совершения побега. За несколько дней пленники привыкли к такому «обычаю».

Очередное появление большого количества громил в помещении сразу же было воспринято как новый «шмон». Однако бандиты стали напротив друг друга двумя шеренгами, образуя своеобразный коридор от двери. Несколькими секундами позже в распахнутую дверь вошел Хуан Антонио Сальваторе. Не хватало только прожекторов рампы, чтобы подчеркнуть надменность его походки и жестикуляции. Он демонстрировал свою уверенность в том, что именно он и никто другой в данный момент является хозяином ситуации.

Дойдя до краев обеих шеренг, индеец остановился и обвел взглядом пленников. Едва ли не на целую минуту повисло молчание. Было настолько тихо, что можно было услышать, как жужжит муха, бившаяся в оконное стекло. Главарь тоже услышал этот звук и наконец промолвил:

– Вы сейчас все до одного подобны этой мухе. Вы можете сколько угодно биться о стекло. Но каким бы прозрачным оно вам ни казалось, оно есть. И сквозь него вам не пробиться. Вы, наверное, с самых первых минут своего пленения задаетесь вопросом, зачем вы нам нужны. Поверьте, что не для выкупа. Мы хотим, чтобы вы работали на нас.

– В каком смысле работали? – не без удивления переспросил Беспалый. – Лечить ваших... хмм... бойцов?

– Бойцов – только если понадобится вдруг, – отвечал главарь банды. – Главное, что вы должны делать – операции людям, которых мы к вам будем приводить.

– И что же это за операции, позвольте узнать? – уточнил хирург, переглядываясь с коллегами.

– Кому печень вырезать, кому почки. Ну, сами понимаете. Для трансплантации, – без лишних слов объяснил Сальваторе.

По помещению прокатилась волна возмущенного шепота.

– Это что же? Вы нам предлагаете стать частью вашей... хмм... группировки? – разделяя всеобщее возмущение, спросил Беспалый, едва преодолевший искушение назвать банду бандой.

– Да. Именно так. И вам лучше согласиться, – прозвучал резкий ответ.

– А почему вы уверены, что мы согласимся? – вмешался анестезиолог Дмитрий Соболев. – Думаете, что российские медики готовы взять и, плюя на все, нарушить врачебную клятву? Вы заблуждаетесь.

– Ты не распускай здесь хвост, – поспешил осечь его индеец. – И все вы не торопитесь щетиниться в ответ на мои предложения. Вы тысячу раз можете строить из себя непоруганную девственность, но репутация каждого из вас уже подмочена.

– Вы блефуете, – заметил ему на это Сергей Сергеевич.

– Не блефую, – с ухмылкой отреагировал Хуан Антонио. – Вы кое-чего не знаете либо не совсем понимаете, в какую игру втянуты. Игра очень серьезная. Игра, которая стоит свеч. Даже более того. Слышали такое выражение: «Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть»?

Врачи с нарастающей тревогой смотрели на бандита, пытаясь понять, что тот имеет в виду.

– Вот. Полистайте и прочтите, что о вас пишут, – уловив вопросительные недоуменные взгляды, промолвил кечуа и передал хирургу и анестезиологу несколько колумбийских и венесуэльских газет с убийными статьями о «реальном лице» российской миссии Красного Креста. – Читайте, читайте. Внимательно читайте. Вас давно уже записали в преступники.

Беспалый и Соболев быстро пробежали глазами по передовым статьям, где фигурировали в том числе и их фамилии, причем в очень неприглядном контексте. Газетные материалы кишели разнообразными унижительными словами, фразами и оборотами. Российских врачей называли «подлыми преступниками», «гнусными оборотнями в белых халатах», «мерзавцами, продавшимися мафии». Глаза лезли на лоб от всего этого. Возмущению не было предела. Главварь с немалой радостью наблюдал за всем этим. Он заметил, что русские оказались настолько подавленными прочтенной информацией, что потеряли дар речи. По крайней мере не могли найти подходящих слов, чтобы высказать свое возмущение.

– Ну, что? Уяснили? Никто вас порядочными врачами уже не считает, – так и перла надменность из уст Сальваторе. – Так что вам следует хорошо подумать, прежде чем делать какие-то серьезные заявления мне. Как мне видится, вам лучше не рыпаться, а сразу согласиться на сотрудничество с нами.

– А газеты точно настоящие? Может, их специально напечатали, чтобы шантажировать нас? – предположила медсестра Маша.

– Да вроде настоящие. Слишком затратным был бы такой ход для них, – промолвил Сергей Сергеевич.

– Что? Вы еще сомневаетесь в том, что вас все считают врачами-убийцами?! – кечуа раскалился от злости и готов был ударить девушку. Однако анестезиолог как бы невзначай прикрыл ее собою. Бить профессионального врача главварь не стал. Но выбранный злобный тон он уже оставить не мог. Его несло и несло в сторону нагнетания угроз в отношении участников миссии.

– Если вы откажетесь, то мы пойдем на крайние меры! – хрипел он, брызгая слюной.

– Вы нас убьете? – немного равнодушно уточнил Дмитрий.

– Да! – резко вскрикнул Хуан Антонио. – Мы вас убьем! Но не так, как вы себе это представляете! Не расстреляем, не повесим и даже не отдадим на растерзание голодным собакам. Хотя последнее я бы с удовольствием проделал с особо сильными упрямыми и умниками. Если вы не захотите с нами сотрудничать, мы сами начнем разбирать на органы кого-то из вас. Выберем самых здоровых и разберем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.